

ВЕРА ФИГНЕР

ШЛИССЕЛЬБУРТСКИЕ
УЗНИКИ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

МОСКВА — 1920.

ВЕРА ФИГНЕР

ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЕ
УЗНИКИ

1884—1905 г.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

МОСКВА—1920.

МОСКВА.—1920.

ТИПОГРАФИЯ КООПЕР. Т-ВА ПЕЧАТН. И ИЗДАТ. ДЕЛА „ЗАДРУГА“.
Воздвиженка, Крестовоздвиженский, 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В том месте, где находится исток Невы из Ладожского озера, лежит небольшой остров, на котором расположена Шлиссельбургская крепость. В первой четверти XIV столетия основанная великим князем Георгием Даниловичем под названием Орешек, эта крепость долго служила предметом борьбы между шведами и русскими. Переходя из рук в руки, она была окончательно завоевана Петром Великим в 1702 году и в непродолжительном времени сделалась местом заточения лиц, опасных с династической или с государственной точки зрения. В казематах этой крепости томила первая жена Петра Великого, Евдокия Лопухина, а за сношение с нею туда же была заточена царица Анна Алексеевна, дочь Алексея Михайловича. В царствование Анны Иоанновны в Шлиссельбургскую крепость был заключен князь Голицын, глава верховников, замышлявших ограничение самодержавной власти. Последующий период связан с именем Иоанна Антоновича, который, еще младенцем, был свергнут с престола Елизаветой Петровной и после заключения в Холмогорах перевезен в Шлиссельбургскую крепость и убит в ней при попытке освобождения, сделанной Мировичем при Екатерине II. При той же императрице узником Шлиссельбурга сделался Новиков и замо-

рил себя голодом раскольник Круглый, в буквальном смысле слова замурованный в каменный мешок. Некоторые декабристы, в том числе Поджио, Николай и Михаил Бестужевы, Пущин и др. содержались более или менее продолжительное время в Шлиссельбургской крепости. Но кроме них при императоре Николае многие другие лица подвергались заключению в той же крепости. Так, по делу о лицах, певших пасквильные стихи, заключенные на неопределенное время в ее казематы испытали жестокую участь: Ибаев, который сошел с ума, и чиновник Уткин, там умерший. При Николае же провел четыре года в Шлиссельбургской тюрьме Бакунин. Из других узников особенно заслуживает внимания польский патриот Лукасинский, пробывший в заточении в стенах крепости целых 37 лет и умерший там в темной камерке секретного замка. В царствование Александра II в Шлиссельбурге содержался каракозовец Ишугин, а при Александре III в пределах крепости была выстроена новая тюрьма на 40 человек, предназначенная для народовольцев, боровшихся с 1879 года против самодержавия террористическими средствами.

Со времени основания в 1884 году этой новой тюрьмы, отданной в полное распоряжение Министерства Внутренних Дел, в частности Департамента государственной полиции, начинается тот период истории Шлиссельбургской крепости, который создал ей наиболее широкую репутацию русской Бастилии, целое 20-летие приковывавшей к себе внимание русского общества.

Первоначальная история Шлиссельбургской крепости, история узников, томившихся в ней в течение первых ста восьмидесяти лет со времени взятия ее у шведов, не написана, и едва ли когда-нибудь будет

написана: мертвые не говорят. Что касается до последующего 20-летия, то эта история имеет еще живых свидетелей, и появилось уже не мало материала, описывающего то, что происходило в крепости за воротами с двуглавым орлом и зловещей надписью: «Государева». Воспоминания Волкенштейн и воспоминания Поливанова первые приподняли покров тайны, которая окутывала жизнь узников. Затем в «Былом» (1906—7 гг.) появились мемуары Ашенбреннера, Новорусского, биография Людмилы Волкенштейн, написанная мной. В 1907 г. вышел I т. Галлерей шлиссельбургских узников. Шесть очерков, помещенных мной в этой Галлерее (Морозов, Фроленко, Антонов, Похигонов, Лукашевич, Новорусский), содержат много черт, характеризующих крепостной режим в период 1884—1905 гг. К этой же серии относятся биографические очерки (Исаев, Грачевский, Тригони), опубликованные мной в «Голосе Минувшего» (1916—17 гг.) *). Теперь, пополненные новыми данными, все эти биографии собраны в предлагаемом издании и представляют краткие характеристики моих товарищей по 20-тилетнему заключению в крепости. Из описанных мною лиц большинство уже ушло из жизни и только четверо—Фроленко, Морозов, Новорусский и Лукашевич—здравствуют и работают, не покладая рук, при чем Морозов, Новорусский и Лукашевич проявили после своего освобождения такую трудоспособность, такую феноменальную по разнообразию и широте жизнедеятельность, что стоит на этом особенно остановиться и сделать обзор всего ими сделанного.

*) Эти три очерка вместе с биографией Волкенштейн и Карповича, погибшего от германской подводной лодки при возвращении в 1917 г. из-за границы на родину, были выпущены в 1918 г. отдельной книжкой (книгоиздат. „Земля и Воля“).

Происхождение лиц, описываемых в этом сборнике, их детство, социальное положение и темпераменты различны. Одни, как Волкенштейн, Тригони, Похигонов, Морозов, Лукашевич — дворяне; другие вышли из низов народа: родители Грачевского и Новорусского принадлежали к низшему сельскому духовенству; отец Исаева был почтальоном; отец Фроленка — военным фельдшером, а П. Л. Антонов — типичный городской рабочий. По образованию они варьируют от университетского (Тригони, Лукашевич) и академий (духовной — Новорусский, артиллерийской — Психитонов) до низшего у Антонова. Все принадлежали к боевой революционной партии «Народной Воли» и были убежденными террористами, но каждый, сообразно своему темпераменту подходил к террору по своему. Если, отбросив промежуточные типы, взять крайности, то террорист Морозов мягким мечтательным юношей шел по своей дороге с энтузиазмом; Грачевский — со спокойным упорством фанатика; Антонов, суровый и мрачный, — с ненавистью и озлоблением. Лукашевич в 1887 г. готовил бомбы для цареубийства, но его истинное призвание — отвлеченное мышление, наука. Новорусский по своему темпераменту не бросил бы бомбы, но в противоположность Лукашевичу — прирожденный практический деятель, как в области культуры, так и в области промышленности. Фроленко — ни на кого не похож: не энтузиаст, не ученый и не имеет задатков для широкой общественной арены; но он неоцененный товарищ-революционер: выдержанный, хладнокровный, с наружным видом флегмы идущий на величайшую опасность и выходящий из дела без малейшего налета хвастливости, с простотой и естественностью, которые свойственны только тем, у кого нет ни капли тщеславия или честолюбия.

Психитонов был слабее всех по характеру, менее красочен и представлял образ, не столь резко очерченный и определенный, как другие. Он больше других знал радости жизни, был более избалован ею, и его-то с особой жестокостью сгубила тюрьма, разрушив сначала дух, а потом и тело (1896 г.).

Но как ни были различны эти люди, мои товарищи, жизнь соединила их в стремлении к свободе, в борьбе за нее, а потом свела под одну кровлю—в каменные мешки Шлиссельбурга.

Вера Финер

25 сентября 1918 г.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ НОВОРУССКИЙ

(Род. 1861 г.)

Михаил Васильевич Новорусский вышел из среды того низшего сельского духовенства, жизнь которого, по материальным и моральным условиям, мало чем отличается от жизни нашего крестьянства.

Его отец был псаломщиком в селе Новой Руссе Демянского уезда, Новгородской губ., там в сентябре 1861 г. и родился М. Ф. Вся домашняя обстановка его была чисто крестьянская, с обилием нужды и всяких горестей. Детей было 13 человек (из них от болезней умерло семеро); М. В. был не из старших, но, как и во всякой крестьянской семье, ребенком ему приходилось нянчить младших братишек и сестру. Порой это так досаждало ему, что у него осталось воспоминание, как от всей детской души он желал смерти одному из своих питомцев, и как горько потом плакал и упрекал себя за злые пожелания, когда смерть действительно унесла докучливого братишку, мешавшего ему играть на улице. Нужда, при обилии детских ртов, была так велика, что каждый кусок был на счету, и старая ворчливая бабушка, присматривавшая в избе во время работ родителей в поле, отравляла жизнь вечно голодным ребятам своей воркотней и попреками за неутолимый аппетит.

Первоначальное воспитание М. В. получил, как все деревенские дети,—на улице. С целой ватагой сверстников, он рыскал по полям и болотам, проводя целые дни в лесу или на реке, и, вообще, вел жизнь «естественного» человека, как ведут заброшенные дети

наших сел и вѣсей. Эта нищета и вечная забота о завтрашнем дне, царившие дома, жизнь в тесноте и удушьи, исполненном мелких хозяйственных дразг, рано раскрыли перед М. В. всю оборотную сторону человеческого существования, — и он вышел закаленным против всяких материальных невзгод и глубоким реалистом, для которого иллюзий, кажется, не существует. Кроме того, из него вышел человек труда, не знающий ни усталости, ни апатии, ни даже передышки. Побратимство или, лучше сказать, полное слияние в детстве с окружающей средой тоже наложили на М. В. свою печать, дав ему полное знание народа. Но с виду, пожалуй, холодное и критическое отношение к деревенскому люду, вынесенное из близкого сношения с обнаженным от всяких прикрас мужиком, скрывает в нем глубокую сдержанную любовь к этим пасынкам жизни. Выйдя из духовного сословия, М. В. прекрасно знает и эту среду, в которой тени едва ли не больше, чем во всяком другом сословии, но все недостатки и темные стороны и до сих пор не погасили в нем любовного отношения к этому своеобразному миру. Самого поверхностного знакомства с М. В. достаточно, чтобы открыть это подводное течение в его душе.

Подготовленный старшими братьями, он был свезен на савраске в Старорусское духовное училище со скудным запасом необходимой одежды и небольшим гостинцем для ублажения ближайшего начальства. Оттуда, как потом и из семинарии, он возвращался домой на каникулы пешим ходом, чтобы снова окунуться в домашнюю тесноту и деревенский простор.

Оттого его связь с деревней, с ее жителями, бывшими товарищами игр, уцелела и до сих пор, и по выходе из Шлиссельбурга, при посещении родных

мест, деревня встретила его трогательным приветом, как плоть от плоти своей. Его бывшие товарищи устроили ему встречу, ясно показавшую, что память о нем все время сохранялась, и загадка о его судьбе не осталась ими неразгаданной.

Дальше я скажу словами самого М. В.

«По обычаю своих предков, я проходил всю духовную школу, по всем трем этажам—духовное училище, семинарию и академию. При этом с 17 лет учился и содержался на казенный счет и, таким образом, в общей сложности около 28 лет¹⁾ состоял государственным пансионером... Мальчик я был способный и щелочливый; но последнее свойство вытравила школа, а первое—направила на свойственную ей схоластическую дорогу. Один мой либеральный товарищ по семинарии даже прозвал меня «Ортодоксией», а некоторые, сверх того, звали «Мистиком».

«В таком звании я и был отправлен в 1832 г. на казенный счет в академию (в Петербург). Ехал я туда с тайным намерением принять «иноческий сан», но встретил там дух, мало подходящий для осуществления такого намерения, и хотя вскоре этот дух переменился, но для меня уже было поздно, ибо червь сомнения и критики прочно внедрился в меня с первого же года.

«Тем не менее, до 1885 г., я учился, как самый заправский студент академии, не имея вовсе знакомых в столице. Лишь с этого года я выступил на сцену общественной жизни, сначала, как один из организаторов рассыпавшегося новгородского землячества. В 1886 г. организовался в Петербурге союз землячеств, в котором я состоял в качестве депутата от своего

¹⁾ Считая и содержание в тюрьме в течение 18½ лет.

землячества. Но чем-либо серьезным этот «союз» себя не проявил, если не считать панихиды по Добролюбову в 25-ю годовщину его смерти, 17 ноября 86 г., когда перед Волковым кладбищем собралось до тысячи человек учащейся молодежи. В полицейских кругах этой демонстрации (панихида не была допущена) приписывали какое-то особое значение, судя по тому, что ей отводилось место даже в нашем обвинительном акте.

«В 1886 году я кончил академию в звании кандидата и, как один из наиболее преуспевших, был оставлен при ней, в качестве «профессорского стипендиата», для приготовления к занятию кафедры. В этих видах я писал магистерскую диссертацию, на каковой и застал меня арест 3 марта 87 г.

«На союзных земляческих собраниях я познакомился с А. И. Ульяновым, но никаких конспиративных дел с ним не имел вплоть до 7 февраля 1887 г., когда он обратился ко мне с просьбой—позволить ему приготовить в моей квартире недостающие 3 фунта динамита. Подробностей организации этого дела излагать здесь не буду, скажу только, что динамит был приготовлен, а лаборатория осталась у меня и была арестована вместе со мною, по указанию Канчера, судившегося вместе с нами и выдавшего моих товарищей.

«Как видите, никакой роли в жизни я сыграть не успел—ни общественной, ни революционной. И хотя сидел 18½ лет под знаменем борьбы за торжество освободительных и прочих идеалов, но всегда конфужусь, когда вижу свое имя наряду с настоящими борцами...

«Политическое воспитание я успел получить только в Шлиссельбурге, благодаря необыкновенной любезности П. Н. Дурново, ковавшего тогда карьеру на

наших спинах и отправившего меня туда дозреть и сформироваться.

«Мои экономические понятия не шли дальше беспочвенных симпатий к мужику и трудящемуся люду, вообще, симпатий, частью унаследованных с детства, частью вынесенных из народнической литературы. На долю последней, в частности, нужно отнести идеализацию общины, как особого уклада русской народной жизни, могущего послужить базисом для реорганизации всего экономического строя на трудовых началах. Об этой реорганизации мы немало мечтали в своем кружке в академии, не уходя, впрочем, дальше утопического прекраснотушения».

Дело, по которому судили М. В., состояло в приготовлении покушения на жизнь императора Александра III. Главные участники, с бомбами в руках, были 1 марта 87 г. взяты на улице. Один из арестованных сигнальщиков—Канчер—выдал все и всех и помог создать процесс 15-ти революционеров, которые все и были приговорены в мае того же года к смертной казни. Но из них восьмерым суд ходатайствовал заменить смертную казнь другими видами наказания. В числе их не был М. В. Из остальных семи казнили—Андреюшкина, Ульянова, Генералова, Шевырева и Осипанова, а Новорусского и Лукашевича заключили бессрочно в Шлиссельбургскую крепость, где они и оставались до 23 октября 1905 г.

М. В., действительно, прибыл в Шлиссельбург, как он сам справедливо говорит, человеком не сформировавшимся и совсем не подготовленным к участи, которая обрушилась на него, подобно лавине. Как еще лишь о немногих узниках Шлиссельбурга, о нем можно сказать, что вполне образовался и развился он в стенах этой крепости. Он прекрасно и всесторонне, на

сколько допускали возможные в тюрьме образовательные средства, воспользовался тюремным досугом и пополнил свое крайне узкое семинарское и академическое образование. Не раз впоследствии он удивлялся собственному полнейшему неведению хотя бы во всей обширной области естествознания, а также и социологии. Зато теперь ни одна научная отрасль, кроме разве высшей математики, не чужда ему. Из наук, кроме естественных (ботаники, зоологии, минералогии, физиологии и психологии, геологии и палеонтологии), М. В. не мало времени отдавал статистике и не раз писал очень удачные, хотя и не лишенные парадоксов, статьи по тому или другому общественному вопросу, иллюстрируя его статистическими данными. Вместе с тем, в тюрьме его мысль расширилась и окрепла, и из неопределенного расплывчатого мирозерцания у него выработалась цельная продуманная система. Быть может, она несколько односторонняя, но в этом уже виноваты ненормальные условия тюрьмы, где влияния жизни не смягчают увлечения доктриной: М. В. — убежденный экономический материалист, часто впадающий в крайности, от которых люди той же школы, жившие на свободе, кажется, уже отказались.

В нашем крошечном тюремном мирке, где все человечество воплощалось, в последнее десятилетие, в 12—13 сотоварищах, М. В. был чуть ли не самым неутомимым и продуктивным работником по всевозможным отраслям.

Ремесла (столярное, токарное, переплетное) он изучил превосходно, и его трудоспособность в них была изумительна. По временам он давал мне список вещей, сделанных в течение полугода. Пресматривая этот перечень, я могла только восклицать: «У вас, М. В., золотые руки!» — такое множество вещей созидал он,

и притом всегда в возможной степени совершенства. Как коллекционеру (по ботанике, энтомологии, минералогии), ему в нашей тюрьме, по всей справедливости, принадлежит пальма первенства. Когда мы одно время работали на подвижной музей, никто не мог превзойти этого несравненного труженика по обилию собранного и обработанного им материала, по его неистощимой и не оскудевающей энергии!

Прекрасные коллекции, вывезенные им из Шлессельбурга, будут когда-нибудь известны широкой публике, так как украсят музей народного университета, для которого М. В. их предназначает. Наша тюрьма единогласно удивлялась самодеятельности, настойчивости и предприимчивости М. В. по части разных технических производств. Он чинил часы, органчики, физические приборы и всевозможные предметы, повидимому, совсем погибшие, но которые несли к нему разные служащие,—и он делал над ними чудеса, возвращая все в наилучшем виде. Не раз он сменил нас своими предприятиями, выделявая картофельную муку для киселя и приготавливая патоку из нее, выращивая цикорий и производя удивительные ягодные вина (из вишни, малины, черной смородины); раз сделал даже изюм в вентиляторе из кисти винограда, попавшей как-то к нам на Пасхе, и, вообще, был настоящим Колумбом при нашем скудном бюджете. Собирался заняться шелководством и хотел для этого засеять огород скорцонерой, чтобы кормить ею шелковичного червя, вместо листьев тутового дерева, но температура тюрьмы, годная для нас, оказалась невыносимой для этого нежного создания, и проект остался неосуществленным.

Новорусский провел все 18½ лет заключения, усиленно работая головой и руками, гармонически со-

четая умственный и физический труд. Кажется, у него не пропадала бесплодно ни одна минута тюремной жизни. И этот труд помог ему не только жить в тюрьме, но и выйти из нее человеком в полном обладании духовных и физических сил.

Если в Шлиссельбургской крепости Михаил Васильевич обнаруживал недюжинную предприимчивость и громадную трудоспособность, то, по выходе на свободу, развернул всю свою энергию, и за годы, истекшие после освобождения, произвел совершенно необычайное количество работы.

Сферой его деятельности не была политика. Социал-демократ по своим основным убеждениям, вначале он тяготел к с.-д. партии, но раздоры, происходившие в ней, не позволили ему принять участие в делах, и он отдался культурно-просветительной деятельности, как это будет видно из нижеследующего рассказа, составленного по сообщенным им данным.

Когда 29 октября 1905 г. из Шлиссельбурга М. В. привезли в Петербург, он оставался в Петропавловской крепости три недели. Затем, по просьбе митрополита Антония, видевшего его при посещении нас в Шлиссельбурге и принявшего теперь в нем участие,—его препроводили сначала в покои митрополита, а потом в Выборг к архиепископу финляндскому Сергию, у которого, на отдельной даче, он и прожил около пяти месяцев. Интерес духовных сановников к освобожденному шлиссельбуржцу объясняется происхождением М. В. от лица духовного сословия, а также тем, что образование он получил в учебных заведениях духовного ведомства, пройдя всю градацию их, до Петербургской духовной академии включительно.

Оставаясь в Выборге до апреля 1907 г., М. В. писал воспоминания о Шлиссельбургской крепости, которые печатались, начиная с апреля 1906 г., в журнале «Былое», в течение почти целого года. В 1907 г. они вышли на шведском языке в Гельсингфорсе, а в 1908-м на немецком — в Берлине. Отдельного издания при царском режиме на русском не появилось, вследствие цензурных запретов.

В апреле М. В. было получено разрешение переехать в Петербург, и он поселился в здании Высшей Вольной Школы П. Ф. Лесгафта, где уже жил Н. А. Морозов. Петр Францевич сначала предложил М. В. заведовать хозяйственной частью курсов, а потом перевел в химическую лабораторию, в качестве лаборанта. Так было до мая 1909 г., когда М. В. женился на Целлаге Матвеевне Рыжковой, устроился своей отдельной квартирой и в звании секретаря совета принял на себя заведывание подвижным музеем Русского технического общества, того самого музея, на который мы работали в продолжении 4-х лет, будучи в Шлиссельбурге.

Новые обязанности поставили М. В. в тесную связь с обществом, в ведении которого находится музей, и втянули в работу по техническому образованию: он был избран непременно членом постоянной комиссии по этому образованию, участвовал в анкетной комиссии по изучению музеев, разработал материал, собранный ею, и опубликовал статью «Музеи и их образовательное значение»; как организатор и эксперт, принимал участие на выставке «Устройство и оборудование школы» и написал для нее специальную брошюру (1912) под тем же названием, получив «медаль признательности» от технического общества за свои труды.

Благодаря подготовке по естествознанию, полученной исключительно в Шлиссельбургской крепости, работе в Подвижном музее и в комиссиях Технического о-ва М. В. сделался настоящим специалистом музейного дела и, в качестве знатока дела, все последние годы был приглашаем всюду, где требовались его знания. В одних случаях он являлся экспертом (как на Всероссийской гигиенической выставке в 1913 г.); в других—докладчиком на собраниях и съездах (в 1909 г. в Москве на Всероссийском съезде естествоиспытателей и врачей; в Тифлисе—в 1913 г.), очень часто—лектором на курсах (при университете Шаляевского, на курсах, которые устраивались земствами: Петербургским, Нижегородским, Оренбургским). В 1918 г. такие же лекции по музейному делу читались им на курсах О-ва внешкольного образования и на инструкторских курсах по внешкольному образованию, устроенных комиссариатом просвещения.

По мастерской наглядных пособий при подвижном музее М. В. был сотрудником, а когда она выделилась в торговое товарищество, он был избран членом правления его.

Не буду перечислять всех обществ, членом которых состоит М. В. (О-во любителей мироведения, внешкольный союз, К-т гражданского воспитания, Дом-музей революции и др.); отмечу только, что в О-ве народных университетов, как председатель экскурсионной секции, в течение целого ряда лет он занимался организацией экскурсий для взрослых и очень часто лично руководил ими: более 12 раз ездил в Финляндию; в 1917 и 1918 гг. не менее 6 раз—в Шлиссельбург, свое прежнее местопребывание. Наконец, будучи постоянным сотрудником Народного дома графини Паниной, М. В. работал в организации местных вы-

ставок и в капитальном коллективном сборнике «Народный Дом» (1917) поместил статьи о музее и о кинематографе.

Заведывание подвижным музеем М. В. продолжал до 1917 г., когда в июле был назначен директором сельскохозяйственного музея ¹⁾, которым состоит и в настоящее время, редактируя популярные издания этого музея по всем отраслям сельского хозяйства.

Помимо деятельности культурно-просветительной, с началом войны М. В. пришлось иметь дело и затратить много времени и труда в области, касающейся русской промышленности. Когда при Техническом о-ве была организована «Комиссия по изучению промышленности в связи с войной», а при ней справочное бюро—М. В. заведовал этим бюро в качестве секретаря и составлял периодические бюллетени, печатавшиеся в «Записках Технического О-ва» и отдельно, а когда, в 1915 г., был образован Военно-Промышленный комитет, то, вместе с вышеуказанным бюро, перешел в комитет на должность секретаря.

В мае 1917 г. Военно-Промышленный к-т командировал М. В. на Урал со специальной «комиссией по восстановлению нормального хода работ» в тамошних промышленных предприятиях. В июне ему, как «состоящему в распоряжении заместителя председателя», было поручено организовать, под своим председательством, комиссию по обследованию заводов «Респира-тор», переданных вскоре К-ту «Военно-Технической Помощи», с назначением М. В. членом правления от Военно-Промышленного к-та ²⁾. Таким же членом он

¹⁾ Петроград, Фонтанка, 19.

²⁾ Правление распалось со времени октябрьского переворота 1917 г.

вошел в июне и в правление автомобильных заводов Пузырева ¹⁾).

В апреле 1918 г., он стал председателем «Совета по делам ученых учреждений Комиссариата земледелия» и в мае организовал при нем культурно-просветительный отдел для распространения с.-х. знаний школьным и внешкольным путем и стоял во главе его, а в 1919 г. сделался членом Коллегии Революц. Музея.

Остается сказать о литературных работах М. В. Они очень многочисленны и по содержанию своему, главным образом, относятся к вопросам естествознания и лишь отчасти к педагогике и промышленности.

Он сотрудничал и в газетах, и в журналах, и в периодических сборниках, писал и издавал свои книжки сам, участвовал в редактировании. Не удивительно, что перечень, который я сделаю, будет велик, но он показателен в смысле работоспособности человека, и потому его необходимо привести.

Вот список изданий, который он дал мне:

«Задушевное Слово». Текст к двум иллюстрированным изданиям Вольфа, под заглавием: а) «Уголок живой природы» и б) «Большая книга картин». Детские журналы: «Тропинка», «Солнышко», «Родник». Газеты: «Современное Слово», «День», «Речь» (1910—1915 г., длинный ряд статей о всех научных новостях, открытиях, изобретениях). Журналы и сборники: «Север», «Природа и Люди», «Голос Жизни», «Новый Журнал для Всех», «Заветы», «Современный Мир», «Голос Минувшего», «Ежемесячный Журнал», «Жизнь за Неделю», «Жизнь для Всех», «Школа для Всех», «Свободное Воспитание», «Образование», «Русская Школа», Сборник

¹⁾ Правление не действует с января 1918 г., т.-к. заводы перешли в руки рабочих.

«Знание», «Вопросы мировой войны» (сборник), «Энергия» (сборник), «Известия Центр. Военно-Промышл. К-та», «Поверхность и Недра», «Производительные Силы России», «Вестник Технического и Коммерческого Образования», «Ежегодник Речи», «Спутник Кооператора».

Написанные и издаваемые им самим книги: «Земля и ее Жизнь» (1907) ¹⁾, «Грибное царство» (1908) ²⁾, «Основы современного мировоззрения» (1910).

Этот обзор никоим образом нельзя назвать полным, ни в отношении деятельности М. В. в различных организациях, ни в отношении перечня его литературных работ. Относительно последних—«в иной год исписывал бумаги более стопы», шутливо прибавляет он, давая приведенный список.

Читатель, наверное, согласится, что иной и во всю жизнь не мог столько сделать, сколько сделал М. В. в несколько лет, но он так бодр, в таком обладании сил, что еще многое сделает в будущем.

1) Второе исправленное издание выпущено Сытиным.

2) Второе исправленное издание выпущено в 1913 г. самим автором.